

М. С. Черячукин

Главное управление цензуры как инструмент формирования официального нарратива в годы Крымской войны 1853–1856 гг.

Отечественная цензура, активное изучение которой началось со второй половины XIX в. в трудах П. К. Щербальского¹, В. В. Стасова² и М. К. Лемке³, сегодня продолжает оставаться интересной для всестороннего рассмотрения. Подтверждением тому является продолжающийся с 2001 г. выпуск сборника «Цензура в России: история и современность», а также исследования Л. К. Старковой⁴, В. О. Бондаря⁵, Ю. Н. Смирнова⁶ и Н. Г. Патрушевой⁷. Другой исследовательский горизонт может быть раскрыт за счет применения термина «нарратив».

К нарративам чаще всего обращаются в лингвистике и социологии, а также в отдельной дисциплине — нарратологии. Вместе с этим нарратив постепенно становится одним из инструментов осмысления исторического опыта, что демонстрирует ряд исследований. В частности, О. Ю. Малинова⁸ рассмотрела формирование официального исторического нарратива в России. Автор рассматривает термин как продукт государственной политики по отношению к прошлому. Оформление официального исторического нарратива, по Малиновой, производится мнемотическими акторами — политическими силами, заинтересованными в специфической интерпретации прошлого⁹.

Термин «официальный нарратив» требует уточнения в рамках исследования. Под ним понимается совокупность авторских произведений, соответствующих позиции и интересам мнемотического актора. В формулировке допущено более широкое понимание объекта исследования, поскольку нарративную

составляющую можно проследить не только в текстовых, но и в художественных произведениях — иллюстрации и карикатуре.

Поскольку официальный нарратив является рукотворной информационной системой, то для его формирования необходимо наличие инструмента, основания и транслятора. Одним из инструментов может выступать институт государственной власти, имеющий соответствующие полномочия, а основанием для работы института является совокупность нормативно-правовых актов. Наконец, трансляторами официального нарратива становятся средства массовой информации, а также сами акторы.

Цензура обладала полномочиями по корректуре поступавших авторских произведений, а также была вправе не допустить рукопись к печати, опираясь на законодательную базу или аргументируя неуместность предложенного к печати текста или иллюстрации. Официальная позиция власти отражалась в тиражной и периодической печати, которая являлась транслятором официального нарратива. Итогом работы цензуры становится совокупность произведений, допущенных к печати, что представляет своего рода общегосударственную информационную повестку, соответствующую позиции правительства.

Раскрытая типология проявилась в условиях крупного вооруженного конфликта, которым являлась Крымская война 1853–1856 гг. Дела о рассмотрении авторских произведений в фондах 772 и 1611 Российского государственного исторического архива (далее — РГИА) хорошо иллюстрируют процесс отбора и редактур материалов, формировавших затем информационную повестку Российской империи и заключенный в ней официальный нарратив.

Прежде всего следует обозначить процесс развития нормативной базы института цензуры в период Крымской войны. Основой его деятельности являлся Устав о цензуре, утвержденный 22 апреля 1828 г. В последующие годы нормы дополнялись циркулярными предложениями и распоряжениями, которые обозначили дозволенные границы освещения событий и реакции на них в печати. Особым значением обладали высочайшие повеления, что также становилось основанием для утверждения дополнений в нормативную базу.

Первой реакцией Главного управления цензуры на события Крымской войны стало письмо министра народного просвещения Авраама Сергеевича Норова от 8 января 1854 г. Глава ведомства сообщает Николаю I, что «по случаю настоящих событий в цензуру представляется множество различных сочинений в прозе и стихах с изложением патриотических чувствований»¹⁰. Вместе с этим Норов указывает на потребность уточнения работы цензуры с произведениями патриотической тематики. 8 февраля было выпущено высочайшее повеление, в котором разрешалась печать сочинений «с изложением патриотических чувств»¹¹, за исключением тех, которые содержат «брань»¹². Позже, 11 февраля, было утверждено циркулярное предложение, на основании обозначенного выше высочайшего повеления.

23 апреля 1854 г. утверждено конфиденциальное циркулярное предложение касательно напечатанной в Санкт-Петербурге брошюры «Падение Турции»¹³, в которой были допущены пророческие суждения. В соответствии с резолюцией его императорского величества допуск в печать сочинений с предсказаниями «лучше избегать, ибо пользы от сего нет»¹⁴.

Весьма примечателен ряд распоряжений, утвержденных в ходе рассмотрения рукописи действительного статского советника камергера А. А. Гаряйнова «О Восточном вопросе», поступившей в Санкт-Петербургский цензурный комитет 15 марта 1854 г. В произведении были выявлены сведения, относящиеся к представителям императорской фамилии, что вызвало необходимость в проверке рукописи со стороны Министерства императорского двора. По итогам рассмотрения и на основании рескрипта великого князя Константина Николаевича от 15 апреля 1854 г. № 53¹⁵ было утверждено дополнение, уточнявшее порядок фактологической проверки текстов. Предписывалось: «на случай всякого сочинения, в коем описываются события, относящиеся до его императорского величества и особ августейшей фамилии, подлежит предварительно испрашивать высочайшее соизволение чрез министра императорского двора, но с тем ограничением, чтобы кроме статей, помещаемых в газетах и журналах об особе императорского величества и членах императорской фамилии, о придворных торжествах и о случаях, доставляемы были цензурными комитетами на рассмотрение Министерства императорского двора только выписки из книг тех мест, в коих описывается какое-либо событие или рассказывается анекдот об особе царствующего императора или членов августейшей фамилии относящейся»¹⁶.

Позднее, в ходе рассмотрения этой же статьи, было принято распоряжение 28 апреля 1854 г., утвержденное по итогам рассмотрения рукописи со стороны Морского министерства. По замечаниям ведомства, текст А. А. Гаряйнова, имея патриотический характер, насыщен «предсказаниями нашему флоту и его августейшему начальнику блистательных успехов в этой войне»¹⁷. Опираясь на дополнение к рескрипту, следует предложение по Санкт-Петербургскому учебному округу, «чтобы впредь были отклоняемы от печатания похвалы будущим, т. е. не состоявшимся еще, действиям нашего флота, и положительно не допускаемы похвалы действиям и намерениям его императорского высочества»¹⁸. Указанное распоряжение, стремящееся к соблюдению осторожности в печати, в полной мере соответствует общей цензурной политике: его введение позволяло не допускать в общественном мнении излишних ожиданий по ходу Крымской войны. Можно предположить, что отсутствие подобного ограничения вызвало бы угрозу радикализации общественного мнения, вызванного разочарованием ходом войны.

Следующим шагом в развитии нормативной базы цензуры стало циркулярное предложение от 24 мая 1854 г., утвержденное на основании высочайшего повеления. Согласно ему, «по получении частных сведений о подвигах в сражениях сноситься предварительно с подлежащим начальством»¹⁹. Печать данных

сведений будет возможна только после «получения удостоверения о действительности сих подвигов».

Высочайшее повеление 30 декабря 1854 г. обращало внимание на публикацию карикатур политического содержания, «направленных против враждебных нам государств и народов»²⁰. Так, их печать допускалась в том случае, если они «представляют смешную сторону предмета, с соблюдением приличия и не заключают в надписях брани»²¹.

Предшествовало этому предложение его величеству от Главного управления цензуры, представленное в письме от 20 декабря 1854 г. Предлагалось постановить, «чтобы не были одобряемы к печати карикатуры политического содержания»²². Тем не менее Николай I благосклонно относился к карикатуре сдержанного характера, что повлияло на ее развитие. На основании высочайшего повеления было утверждено циркулярное распоряжение «об условиях для разрешения политических карикатур, направленных против враждебных России держав»²³.

6 октября 1854 г. вступило в силу распоряжение, согласно которому новейшие сведения о ходе боевых действий могут быть опубликованы в периодических изданиях только после их обнародования в журнале «Русский инвалид»²⁴. Их перепечатывание возможно только «слово в слово, без малейшего изменения». При появлении таких сведений до публикации в «Русском инвалиде» их перепечатывание в столичных изданиях возможно только после проверки Военно-цензурным комитетом²⁵.

Таким образом, совершенствование нормативной базы цензуры в условиях вооруженного конфликта происходило оперативно. Изменения и дополнения, в свою очередь, формировали особый порядок отбора произведений, которые становились основой официального нарратива. Изложенная выше нормативная база цензуры становится основанием для оформления характерных черт официального нарратива, сложившегося во время Крымской войны:

1. Опора на высочайшую волю, мнение императорской фамилии и позицию государства в целом. Содержание произведений, попадавших в распоряжение цензуры, проверялось на соответствие опубликованным высочайшим манифестам, законам Российской империи, официальным реляциям, а также источникам, в которых изложена высочайшая воля.
2. Приветствие в печати произведений патриотической тематики, прославлявших действия армии и флота, а также личный и коллективный героизм. Вместе с отечественными произведениями это в равной степени относилось к зарубежной печати.
3. Стремление к максимальной достоверности сведений. Межведомственное взаимодействие позволяло проводить глубокую фактологическую проверку поступавших текстов, не допуская в печать сведения, не соответствующие действительности и государственной политике.

4. Недопущение радикальных суждений. Здесь понимается исключение из текстов резких суждений, оскорбления сторон, разжигания розни и ненависти. Соблюдение описанного правила относилось ко всем произведениям, в том числе патриотического и внешнеполитического характера.
5. Стремление к максимальной оригинальности нарратива. В печать не допускались так называемые компиляции, статьи, в которых были обнаружены сведения, ранее опубликованные в других источниках.
6. Недопущение произведений с минимальной художественной ценностью, а также выявление таковых в печати.

Произведения публицистики и статьи для периодических изданий становились объектом пристального рассмотрения цензуры, что было обусловлено распространением в них сведений, связанных, зачастую, с работой нескольких министерств. Наивысшим этапом в рассмотрении рукописи являлось высочайшее воззрение, по результатам которого также вносились правки. Вышеупомянутая статья А. А. Гаряйнова «О Восточном вопросе» является тому примером.

Стоит уточнить, что в делах Главного управления цензуры редко можно встретить приведение цитат, фрагментов из рассматриваемого текста или целого произведения. В случае с рукописью Гаряйнова цензор ограничился указанием номеров страниц, на которые обратил внимание управляющий Морским министерством. В произведении указан фрагмент на с. 23–26²⁶, который отмечен начальной и конечной цитатой: от «Синопское сражение показало, что может Черноморский флот» до «Могут явиться корсары под Русским флагом»²⁷.

После рассмотрения рукописи Министерством императорского двора цензура также получила указания на страницы и номера строк. Выделены места на с. 9, 10, 15, 38, 39, 62, 64²⁸. В частности: с. 9 — уточнение сведений об Александре I; с. 15 — проверка «Деяний императоров»; с. 62 — проверка корректности изложенных Николаем I слов²⁹.

Министерство иностранных дел, чьим цензором были зачеркнуты некоторые места в тексте, не увидело препятствий политического характера для публикации текста Гаряйнова, однако при условии, что со стороны гражданской цензуры и других подлежащих ведомств не представляется препятствий³⁰.

Дозволение рукописи Гаряйнова в печать стало возможным на основании высочайшего соизволения Николая I после ознакомления императора с текстом. По его итогам фрагмент на с. 62–63 в рукописи следовало исключить: автором была представлена цитата, приписанная Николаю I. Самим императором фрагмент был признан не соответствующим действительности³¹. Очерк А. А. Гаряйнова «О Восточном вопросе» был наконец разрешен к печати 31 мая 1854 г.³²

Рукописи внешнеполитической тематики рассматривались интенсивно, что иллюстрирует дело о рассмотрении статьи «Англия и Турция» для «Московских ведомостей». Первоначально рукопись поступила в распоряжение

Московского цензурного комитета к 5 марта 1854 г., однако цензоры посчитали необходимым отправить произведение в Главное управление цензуры³³, поскольку «[Московскому цензурному] Комитету неизвестны вполне те отношения, существующие ныне между нашим кабинетом и некоторыми западными государствами»³⁴. Комитет также отмечает, что статья написана в «весьма благонамеренном духе», является «любопытной» по содержанию и могла бы быть в печати «очень полезной при нынешних обстоятельствах»³⁵. Ведомство сообщает, что достоверность фактов в статье проверена быть не может, поэтому произведение было передано в распоряжение Министерства народного просвещения и лично А. С. Норова.

В содержании рукописи, которое нуждалось в проверке, Московским цензурным комитетом был выделен фрагмент, упоминающий об участии германских держав в Восточном вопросе и о двусмысленной внешней политике Австрии относительно России. Отмечается, что «положение германских государств среди настоящих политических обстоятельств еще не определилось явственным образом в отношении к России»³⁶. Министерство иностранных дел признало статью пригодной для печати, отметив, что рукопись «при нынешних обстоятельствах ничего предосудительного не заключает и может быть напечатана, если со стороны Министерства финансов не будет к оному препятствий, так как содержание ее относится до торговой выгоды России»³⁷.

Часть работ не были пропущены цензурой из-за несоответствия взглядов автора с позицией правительства, закрепленной в высочайших манифестах. Это касается рукописи неуказанного автора «Портфель русского офицера», поступившей на проверку Московского цензурного комитета в октябре 1854 г. и отправленной затем на рассмотрение Военного министерства³⁸.

Цензорами были выявлено наличие «предзнаменований и предсказаний насчет того, что русским суждено овладеть Царьградом и низвергнуть владычество турок». Отмечено, что в высказываниях нет «ничего предосудительного, и аналогичные мысли «неоднократно были допущены цензурой в книгах и журналах»³⁹. Но Военно-цензурный комитет выступил против публикации рукописи, аргументируя свою позицию тем, что война «не имеет целью изгнание турок из Европы»⁴⁰. Решение Комитета опиралось на официальную позицию правительства, изложенную в высочайшем манифесте «О движении российских войск в Придунайские княжества», данном 14 июля 1853 г. Николаем I. Манифест четко обозначал цель проводимых Россией действий, в частности отмечая: «Не завоеваний ищем мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной церкви»⁴¹.

В конце концов публикация рукописи стала абсолютно невозможной из-за выявленных сведений, опубликованных ранее. Среди них Военно-цензурный комитет выделяет официальную репликацию о переходе русских войск через

Дунай, известия о битвах при Ахалцихе, Башкадыкларе и Синопе, боях при Калараше, Исакче, взятии турецких пароходов «Первас-бахри» и «Тигр», бомбардировке Одессы. Цензором отмечено, что указанные сведения «переписаны слово в слово»⁴², что также касается патриотических стихотворений и анекдотов.

Официальная позиция правительства проявилась в недопуске рукописи «Еще несколько слов о Восточном вопросе»⁴³, поступившей на проверку Главного управления цензуры в августе 1854 г., а позднее в Министерство иностранных дел. Для МИД недопустимыми стали утверждения автора, что Россия должна овладеть Турцией и что «Турецкой империи существовать не должно»⁴⁴. Указанные автором слова не соответствовали положениям Манифеста 14 июля 1853 г., что могло стать основанием для недопущения рукописи.

Значительный объем дел Главного управления цензуры связан с рассмотрением поступающих карикатур. Так, соблюдение сдержанного отражения событий и персоналий Крымской войны затрудняло публикацию карикатур художника Николая Александровича Степанова, в частности десяти карикатур о действиях англо-французов в Балтийском и Черном морях. Произведения были рассмотрены Санкт-Петербургским цензурным комитетом в октябре 1854 г. и были оценены как «неудобные»⁴⁵ и «несоразмерные с достоинством русского народа»⁴⁶. Однако издатель Александр Бегров настоял на дополнительной проверке карикатур, попросив отправить произведения в Главное управление цензуры⁴⁷. Позже карикатуры были отправлены на проверку в Министерство иностранных дел, которое не увидело проблем с их печатью «с учетом отношений с Англией, Францией и Турцией»⁴⁸.

Помимо статей и карикатур о событиях Крымской войны вниманию цензуры подлежали уже опубликованные издания, находившиеся в зоне ответственности Комитета 2 апреля 1848 г. Показательно внимание Комитета к статье востоковеда Сергея Ивановича Черняева «Очерки современной Турции», опубликованной в «Таврических губернских ведомостях» в середине 1854 г. Публикация являлась перепечаткой статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей»⁴⁹ и относилась к одноименной серии, выпускавшейся с 1853 г. в той же газете.

В докладе Комитета Николаю I⁵⁰ указаны цитаты, обозначенные в статье как «правила мусульманского учения». Выделен следующий фрагмент: «...постоянная борьба с неверными, постоянное преследование их силою меча до тех пор, покуда они не будут истреблены до одного или покуда ислам не будет распространен во все концы мира, составляет священную обязанность для мусульман»⁵¹. Далее: «В случае войны против неверных каждый мусульманин, способный носить оружие, должен стать под знаменем ислама...»⁵² Также: «Все меры, клонящиеся к истреблению врагов веры, дозволены для мусульман во время войны...»⁵³

В настоящее время вышеуказанные слова, представленные даже в качестве цитаты из доклада Николаю I, звучат радикально и недопустимо. Не говоря

о том, что указанные суждения требуют проверки на соответствие идеям ислама и положениям Корана. Их предоставление в настоящей статье необходимо только для раскрытия характера работы Комитета 2 апреля 1848 г. с материалами подобной тематики в условиях Крымской войны, особенно когда речь идет о международном конфликте на территории проживания крымских татар, исповедующих ислам.

Вместе с выше воспроизведенными цитатами в докладе был дан комментарий представителей Комитета: «...если такое учение могло быть указано без вреда в Ведомостях С. Петербургских, то отнюдь не следовало как бы поддерживать и освещать подобные правила повторением их без всякого возражения или замечания со стороны редакции в правительственном издании такого края (Таврическая губерния), где большая часть населения принадлежит к исламу; еще меньше следовало допускать сие при нынешних политических обстоятельствах»⁵⁴. Позиция императора по статье выражена в резолюции на документе: «Совершенно справедливо»⁵⁵.

Произведения патриотического характера, выпущенные в печать, изучались на предмет наличия радикальной или неуместной авторской позиции. Так, в декабре 1854 г. в Министерство народного просвещения был отправлен рапорт чиновника Волкова по рассмотрению брошюры Александры Ступиной «Отечественные беседы русских жен», изданной в Санкт-Петербурге в 1854 г.⁵⁶

По словам Волкова, истраченные на выпуск издания деньги было бы лучше пожертвовать чинам, нежели «печатать бессмыслицу»⁵⁷. По мнению докладчика, проявление патриотизма не дает права «печатать галиматью и оскорблять читателя-патриота, любящего отечественную литературу»⁵⁸. Далее в рапорте указаны замечания в стихотворении «Чувства»:

В нашей Руси Православной,
Как отец в родной семье,
Царь родимый, царь державный,
Образ Божий на Земле⁵⁹.

Среди замечаний указана «неприличная для государя-императора лесть, похожая на кощунство»⁶⁰. Далее: «Неприятно напоминающее времена Нерона выражение: “Образ Божий на Земле”, явно противоречит понятию нашему о Боге и нашему верованию в Св. Евангелие. Бого-человеком называют (и признают) одного только Сына Божьего, Иисуса Христа, в образе которого Бог нисходит на землю»⁶¹.

Критика брошюры нашла продолжение в письме Министерства народного просвещения от 30 декабря 1854 г. в адрес Санкт-Петербургского цензурного комитета. Отмечен фрагмент на с. 21: «И я неслась душой в Обетованную (страну), куда сам Бог сходил страдать Христом Пророком»⁶². В письме продолжена аргументация и указано, что Бог-пророк — это богодухновенный

(благословленный) человек в Ветхом Завете. В Новом Завете оно употреблялось только до познания существа Его⁶³. С позицией Волкова Министерство народного просвещения соглашалось, отмечая, что содержание брошюры в целом и, в частности, слова про Пророка не должны были быть пропущены в печать.

На фоне изменения военной обстановки в пользу союзной коалиции в начале 1855 г. в Главное управление цензуры поступают отечественные и зарубежные рукописи, обращавшие внимание на последние события. Особо можно выделить произведения, затрагивающие ход и содержание сражения на Альме 20 сентября 1854 г. К таковым относится дело о рассмотрении статьи «Восемь месяцев в плену у французов, рассказ рядового Татарского», датированной ноябрем 1855 г. Произведение было напечатано в октябрьской книжке журнала «Современник» по решению цензоров Санкт-Петербургского цензурного комитета Владимира Николаевича Бекетова и Николая Ивановича Пейкера после проведенного Военно-цензурным комитетом рассмотрения⁶⁴. Однако даже после цензурской редакции в статье остались «отдельные эпизоды, рассказы других пленных солдат и писаря князя А. С. Меншикова, Яковлева, захваченного с вещами и бумагами князя, после Альмского сражения»⁶⁵. В частности, был назван «совершенно неуместным в печати и оскорбительным для бывшего Главнокомандующего князя Меншикова вышеописанный рассказ солдата о сражении под Альмою, а сказание пленных о захвате неприятелем бумаг князя Меншикова при взятии в плен писаря Яковлева даже противоречащим напечатанным о сем обстоятельстве объявлением»⁶⁶.

К тем же событиям относится дело об обнаружении в сентябре 1855 г. в печати картины «Сражение при Альме», на которой солдаты русской армии изображены «обращенными в бегство»⁶⁷. В ответном письме Московского цензурного комитета отмечалось, что картину пропустили в печать после рассмотрения зарубежного издания «Die Schlacht an der Alma», где картина была представлена в качестве иллюстрации. Вместе с тем цензор Иван Иванович Безсомыкин, работая над проверкой картины, «видел в ней не победу врагов над нашими войсками и не бегство, а только необходимое отступление последних в весьма малом числе сравнительно с неприятелем и все еще продолжающих действовать против него»⁶⁸. Также Московский цензурный комитет подчеркивал, что рассмотрение картины велось с опорой на реляцию о сражении при р. Альме, которая ранее была опубликована в отечественных газетах⁶⁹. Далее извлечения из реляции приводились в качестве аргументации.

Более подробно содержание картины представлено в письме Канцелярии Министерства народного просвещения в адрес Московского учебного округа: «Неприятельские колонны наступают в стройном порядке, другие же переходят во многих местах реку Альму; наружный вид свидетельствует о их энтузиазме. Русские же войска отступают разрозненными массами: пушки наши частью брошены во власть неприятеля, частью увозятся вскачь, *множество тел с нашей стороны покрывает землю, а между неприятелями нет ни одного*

убитого»⁷⁰. В том же письме обозначено несогласие с решением Московского цензурного комитета: «...ни реляция, ни картина иностранного издания (если она и действительно допущена к обращению в России) не освобождали цензора от обязанности внимательно рассмотреть изображение, предназначенное для всех сословий народа в нашем отечестве и не допускать перепечатывание картины, изображающей поражение наших войск и по враждебному своему характеру производящей неприятные впечатления»⁷¹.

Рассмотренные выше примеры можно охарактеризовать как проявление «человеческого фактора», вызвавшего сбой в работе цензуры. В первом случае цензоры по упущению не посчитали описание неудач бывшего главнокомандующего А. С. Меншикова недопустимым к печати. В деле о рассмотрении картины «Сражение при Альме» можно проследить одновременно цензорскую ошибку и принятие обоснованного решения, которое фактически допустило в печать не соответствующее официальному нарративу произведение.

К вышеизложенным делам примыкают еще несколько произведений по рассматриваемой проблематике. Можно выделить «Die Angriff auf die Krim und der Kampf um Sevastopol» автора В. Рустова и «Consideration sur la campagne en Crimée» в двух частях автора Л. Вандевельде⁷². Рукописи были переданы Комитетом цензуры иностранной в ведение Главного управления цензуры в середине октября 1855 г. Отмечая «беспристрастный тон, в котором напечатаны все эти три сочинения»⁷³, констатировалось, что в рукописях присутствует «критика, а иногда и порицание действий и распоряжений Главнокомандующего русскими войсками в Крыму князя А. С. Меншикова»⁷⁴, что вызвало необходимость проверки текстов со стороны Военно-цензурного комитета.

Комитет подтвердил, что содержание текстов изложено в беспристрастном тоне, а «встречаемые в них критические замечания на военные действия обращены то к нам, то к противникам, и вообще [рукописи] не заключают в себе ничего оскорбительного для чести русского войска и его начальников»⁷⁵. Обозначенную ранее критику в адрес А. С. Меншикова по требованию Военно-цензурного комитета необходимо было исключить⁷⁶.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. отечественный институт цензуры был приспособлен под функционирование в условиях международного конфликта. Система многоуровневой работы цензуры, когда в редактуру текста вовлечены разные министерства, ведомства и лично император, подтвердила свою эффективность, что позволило сформировать официальный нарратив, отвечавший запросам акторов и опиравшийся на проработанную законодательную базу, высочайшую волю и объем официальных реляций. Нельзя не отметить и недостатки такой системы, которые заключались в длительном сроке проверки произведений и риске ошибок, вызванных человеческим фактором, обусловленным рассогласованностью мнений цензоров. Последнее приводило к появлению в нарративе произведений, искажавших официальную позицию, что отчетливо проявилось с середины 1855 г. на фоне неудач русской армии.

Тем не менее мы можем утверждать, что силами Главного управления цензуры вместе с региональными и ведомственными цензурными комитетами был сформирован четко прослеживающийся официальный нарратив в печати Российской империи, основанный на умеренной и сдержанной риторике, недопущении радикализма по отношению к противникам и резкого патриотизма. Этому также способствовала мощная нормативная база, отвечавшая требованиям акторов и стандартизовавшая подходы цензоров в работе с широким спектром произведений. Можно выразить уверенность, что изучение отечественной цензуры с позиции нарративной составляющей внесет значительный вклад в осмысление поистине весомого пласта в истории отечественной мысли.

- ¹ *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.
- ² *Стасов В. В.* Цензура в царствование императора Николая I // *Русская старина*. 1903. Т. 117. С. 207–222.
- ³ *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
- ⁴ *Старкова Л. К.* Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000.
- ⁵ *Бондарь В. О.* Военная цензура периодических изданий в Российской Империи в XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012.
- ⁶ *Смирнов Ю. Н.* Особенности цензурной политики во время Крымской войны 1853–1856 гг. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2022. Т. 22, № 4. С. 33–37.
- ⁷ *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014.
- ⁸ *Малинова О. Ю.* Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. 2019. № 3 (94). С. 103–126.
- ⁹ Там же. С. 104.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3258. Л. 1.
- ¹¹ Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 год. Напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб., 1862. С. 292.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 293.
- ¹⁴ Там же. С. 294.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3290. Л. 7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 8.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 294.
- ²⁰ Там же. С. 300.
- ²¹ Там же.
- ²² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3475. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 4.
- ²⁴ Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 303.
- ²⁵ Там же.

- 26 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3290. Л. 2.
27 Там же. Л. 3.
28 Там же. Л. 11.
29 Там же.
30 Там же. Л. 2.
31 Там же. Л. 13.
32 *Гаряйнов А. А.* О Восточном вопросе. СПб., 1854.
33 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3283. Л. 1.
34 Там же.
35 Там же. Л. 3.
36 Там же. Л. 5.
37 Там же. Л. 6.
38 Там же. Д. 3439. Л. 1.
39 Там же. Л. 3.
40 Там же.
41 ПСЗ-II. Т. 28. Отд. 1. № 27346. С. 290.
42 Там же.
43 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3399. Л. 2.
44 Там же. Л. 3.
45 Там же. Д. 3444. Л. 1.
46 Там же.
47 Там же.
48 Там же. Л. 3.
49 РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 254. Л. 2.
50 Там же.
51 Там же.
52 Там же.
53 Там же.
54 Там же. Л. 3.
55 Там же. Л. 2.
56 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3478. Л. 1.
57 Там же.
58 Там же.
59 Там же.
60 Там же.
61 Там же.
62 Там же. Л. 2. В документе слова «Христом Пророком» подчеркнуты.
63 Там же.
64 Там же. Д. 3720. Л. 6.
65 Там же. Л. 7.
66 Там же.
67 Там же. Д. 3723. Л. 1.
68 Там же. Л. 2.
69 Там же.
70 Там же. Л. 4. Текст, выделенный нами курсивом, в документе зачеркнут.
71 Там же. Л. 4–5. Содержание цитаты представлено по исправленному в документе.
72 Там же. Д. 3699. Л. 1.
73 Там же.
74 Там же.
75 Там же. Л. 4.
76 Там же.

References

BONDAR' V. O. Voennaya cenzura periodicheskix izdaniy v Rossijskoj Imperii v XIX — nachale XX v. [Military censorship of periodicals in the Russian Empire in the 19th — early 20th century. In Russ.]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladikavkaz, 2012.

MALINOVA O. YU. Kto i kak formiruet oficial'nyj istoricheskij narrativ? Analiz rossijskix praktik [Who shapes the official historical narrative and how? Analysis of Russian practices. In Russ.] // Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz. 2019. No. 3 (94). S. 103–126.

PATRUSHEVA N. G. Cenzurnoe ведомstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. [Censorship in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th — beginning of the 20th century. In Russ.]: dis. ... d-ra ist. nauk. St. Petersburg, 2014.

SMIRNOV YU. N. Osobennosti cenzurnoj politiki vo vremya Krymskoj vojny 1853–1856 gg. [Some features of censorship policy during the Crimean War of 1853–1856. In Russ.] // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2022. T. 22, no. 4. S. 33–37.

STARKOVA L. K. Cenzurnaya politika samodержавiya v pervoj polovine XIX veka [Censorship policy of the autocracy in the first half of the 19th century. In Russ.]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2000.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. С. Черячукин. Главное управление цензуры как инструмент формирования официального нарратива в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 47–60

Аннотация: В настоящей статье произведено исследование работы Главного управления цензуры Российской империи в годы Крымской войны 1853–1856 гг. Рассмотрена деятельность института цензуры как инструмента формирования официального нарратива России, трансляция которого велась через печать. На фоне вовлеченности Российской империи в международный конфликт появилась необходимость в конструировании новой информационной повестки, требования к которой постепенно вырабатывались представителями государственной власти и лично Николаем I. Институт цензуры, будучи инструментом проведения государственной политики в области печати, напрямую влиял на содержание авторских произведений, а также участвовал в формировании информационной повестки. Вместе с тем цензурные ведомства и Комитет 2 апреля 1848 г. уделяли внимание уже выпущенным произведениям для выявления в печати источников, не соответствующих официальному нарративу. Для исследования дано обоснование термина «официальный нарратив», применяемого в исследовании, а также сформулированы основные характеристики деятельности института цензуры в России. Выведенные положения применены на массиве дел Главного управления цензуры и Комитета 2 апреля 1848 г., отобранных за период с 1854 по 1856 г. Обращено внимание на порядок работы с поступающей массой произведений, а также на применимость официальных манифестов и реляций в процессе рассмотрения дел. Вместе с этим отмечен порядок работы и заключения цензоров, по которым можно оценить основные замечания и общее качество поступающих на рассмотрение цензуры произведений. Отдельно в исследовании представлена реакция цензуры на поступающий объем дел, освещавших военные неудачи Русской императорской армии с 1855 г.

Ключевые слова: Крымская война, Главное управление цензуры, Николай I, А. С. Норов, Санкт-Петербургский цензурный комитет, Комитет 2 апреля 1848 г., официальный нарратив, публицистика, проза, поэзия, карикатура, печать.

FOR CITATION

M. S. Cheryachukin. The Main Directorate of Censorship as an instrument for the formation of an official narrative during the Crimean War of 1853–1856 // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 47–60

Abstract: This article examines the work of the Main Directorate of Censorship of the Russian Empire during the Crimean War of 1853–1856. The article considers the activities of the institute of censorship as a tool for the formation of the official narrative of Russia, which was broadcast through the press. Against the background of the involvement of the Russian Empire in the international conflict, there was a need to design a new information agenda, the requirements for which were gradually developed by representatives of the state authorities and personally by Nicholas I. The institution of censorship, being an instrument of state policy in the field of press, directly influenced the content of manuscripts, and also participated in the formation of the information agenda. At the same time, the censorship departments and the Committee of April 2, 1848, paid attention to the already released works to identify sources in the press that did not correspond to the official narrative. For the study, the justification of the term “official narrative” used in the research is given, as well as the main characteristics of the activities of the censorship institute in Russia are formulated. The deduced provisions are applied to the corpus of cases of the Main Directorate of Censorship and the Committee of April 2, 1848, selected for the period from 1854 to 1856. Attention is drawn to the procedure for dealing with the incoming bulk of works, as well as the applicability of official manifestos and relations for process of considering cases. At the same time, the order of work and conclusions of the censors are noted, according to which it is possible to evaluate the main comments and the overall quality of the works submitted for consideration by the censorship. Separately, the study presents the reaction of censorship to the bulk of cases that have been received, covering the military failures of the Russian Imperial Army since 1855.

Key words: Crimean War, General Directorate of Censorship, Nicholas I, A. S. Norov, St. Petersburg Censorship Committee, Committee of April 2, 1848, official narrative, journalism, prose, poetry, caricature, print.

Автор: **Черячукин, Максим Сергеевич** — аспирант отдела Новой истории Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Cheryachukin, Maxim Sergeevich** — postgraduate student of the Department of Modern History at the St. Petersburg Institute of History of the RAS.

E-mail: 173598@mail.ru